

Регионализация и глобализация

Владимир ОНИЩЕНКО

**РИСКИ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ****Резюме**

Рассмотрены основные политические, институциональные и экономические риски при создании Евразийского экономического союза и их возможное влияние на его стабильность и эффективность развития; обоснована авторская позиция в отношении невозможности долгосрочного прогноза социально-экономического эффекта для стран – членов Союза; определены вероятные риски для РФ как лидера интеграционного процесса, препятствующие евразийской интеграции.

Ключевые слова

Риски, интеграция, дезинтеграция, Евразия, Евразийский экономический союз, прогноз, неопределенность.

Классификация по JEL: F15.

© Владимир Онищенко, 2013.

Онищенко Владимир, докт. экон. наук, профессор, Украинский государственный университет финансов и международной торговли, г. Киев, Украина.

Введение

Сегодня активно обсуждается вопрос создания Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС), который, по мнению В. Путина, является «исторической вехой не только для наших трех стран (*имеется в виду РФ, Беларусь и Казахстан – О. В.*), но и для всех государств на постсоветском пространстве» [1]. В многочисленных публикациях различного рода, преимущественно российских, много говорится о неоспоримых потенциальных экономических и политических достижениях для будущих членов такого Союза; о том, что странам бывшего СССР самостоятельно очень трудно выжить в глобализованном и растянутом по разным региональным группировкам мире, что мир развивается по многополярным сценариям и т. д. (публикации журнала «Евразийская экономическая интеграция», в частности российских специалистов – Н. Васильевой, Е. Винокурова, М. Гальвановского, О. Дугина, М. Лагутиной, О. Либмана, И. Исакова, О. Панарина, Б. Хейфеца и других). Однако кто пишет эти сценарии? Безусловно, страны – региональные лидеры, которые вступают в конкуренцию за рынки и ресурсы, за новый передел мира. А поэтому им необходимы союзники, являющиеся гарантированными поставщиками ресурсов и рынками сбыта. Это естественная сущность интеграции. Поэтому попытки России, Беларуси и Казахстана создать на территории так называемой Евразии региональный политический и экономический союз является логичным для усиления собственных конкурентных позиций в глобальном социально-экономическом и политическом пространстве. Что касается отечественного научного и общественного сообщества, то оно также не стоит в стороне от этой проблемы и оживленно обсуждает ее на страницах научных и публицистических изданий (В. Бураковский, В. Геец, В. Мунтиян, В. Сиденко, Ю. Пахомов, И. Пиляев, О. Шаров, В. Чалый и другие). Однако в большинстве случаев отечественные специалисты рассматривают ее сквозь призму возможного участия Украины в ЕврАзЭС. На мой взгляд, к этой проблеме следует подойти шире, в контексте вопросов – будет ли этот Союз эффективным, оправдает ли он надежды основателей и потенциальных членов в отношении модернизации экономической и общественной жизни, повысит ли он их международный авторитет и значимость в глобальном мире? Ответы на эти вопросы не просты и не однозначны. *Поэтому цель* данной работы – это попытка определить проблемы, которые вызывают риски в отношении экономической и политической евразийской интеграции.

Изложение основного материала

Напомним, что эффективность интеграции стран в экономический союз определяют следующие условия: географическая близость (общность границ); общая идеологическая и политическая парадигма обустройства общества, которую воспринимает и разделяет большинство населения объединяющихся стран; сходство культур населения стран; общность целей экономического и социального развития стран; координированная внешняя и оборонная политика; готовность к созданию сверхгосударственных экономических, политических и правовых управленческих институтов и признание их приоритета в регулировании международной экономической и политической деятельности стран – участниц Союза; унификация национальных формальных институтов согласно требованиям сверхгосударственных институтов; другие экономические, социальные и культурные аспекты жизни стран.

Для того чтобы интегрироваться в потенциальных партнеров, должна быть, так сказать, общность идеологической платформы. В этом контексте в России и Казахстане оживленно обсуждается историко-культурологическая и политико-экономическая «концепция евразийства». Для того чтобы понять идеологию евразийской интеграции, необходимо обратиться к историко-философскому и пространственно-временному дискурсу евразийства, который был сформирован российскими учеными, эмигрировавшими из Советской России. В его основе находится определение (формула) евразийства основателем этой теории С. Трубецким: «Национальным субстратом того государства, которое называли Российской империей, а теперь называют СССР, может быть только вся совокупность народов, которые населяли это государство, рассматривается как особенная многонародная нация и в качестве таковой ей присущ особый национализм. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством» [2, с. 52]. Этому краеугольному определению сути евразийства придерживаются его классики – П. Савицкий, Г. Вернадский, Л. Гумилев, а также неоевразийцы – А. Дугин, Б. Ерасов, А. Панарин. Л. По их мнению, Россия, безусловно, – духовный и цивилизационный центр Евразии. Л. Гумилеву даже принадлежит высказывание: «...если Россия будет спасена, то только как евразийское государство...» [3, с. 15].

Более того, анализируя теорию евразийства, российский исследователь Г. Сачко отмечает: «Исходя из уникальности России, евразийцы логически выводят ее роль в мировом сообществе. В силу своего географического расположения Россия является проводником, связывающим звеном между Европой, Азией и даже Северной Африкой. Она, как центр материка, объединяет все другие части, без нее вся эта система материковых окраин

(Европа, Ближняя Азия, Иран, Индия, Китай, Япония) превратилась бы в «рассыпанную храмину» [4, с. 34].

Однако необходимо отметить, что существует другая концепция евразийства, проводником которой является Н. Назарбаев, который заявляет, что именно «Казахстан, как центр Евразии, будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро возрастающими регионами – Китаем, Россией и Мусульманским миром» [5, с. 404]. Существуют и другие оппоненты российской версии евразийства в Татарстане и в Башкирии, на что указывает в упомянутой работе Г. Сачко. Россия должна понимать, что образовались новые государства, которые только начинают осознавать свою историю, свой народ, свою культуру, свое место в цивилизационном пространстве в целом и Евразии в частности.

Необходимо пояснить, что не все страны будущего Союза принадлежат к Евразии. Беларусь – европейское государство; возможные по замыслу Москвы члены Союза – Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизия – азиатские страны, мусульманские, и только Россия и Казахстан – евразийские государства.

Что касается Украины, то по своим социальным и культурным параметрам она происходит от Киевской, Галицко-Волынской и Литовской Руси, на нее значительно влияние оказывали Речь Посполитая и Австро-Венгрия, то есть европейские государства с развитыми традициями самоуправления, уважения к частной собственности, поликультурными и многоконфессиональными обществами. Считаю также, что фундаментальные наработки украинских ученых (Я. Дашкевича, М. Брайчевского, Я. Исаевича, Г. Пивторак, В. Барана, Л. Зализняка, С. Сегеды, В. Балуска и многих других) доказывают эту идеологию.

Евразийство «российского пошиба» предлагается в качестве интеграционной идеологии будущего ЕврАзЭС. Более того, она (идеология) рассматривает Евразию как геополитическое пространство, евразийство как геополитическую концепцию. Не зря в России сегодня так активно возрождают тему евразийства. Созданы многочисленные институты, общества, клубы, издаются журналы, проводятся конференции и семинары, цель которых – осовременить и популяризировать идеи евразийства. Главное – доказать, что Россия-Евразия – это мост между Западом и Востоком в планетарном масштабе; Россия – это не просто неотъемлемая часть, а опора Евразии; что Евразия «становится главным пространством мировой политики и экономики», что Евразийский проект приведет к новой расстановке сил на международной арене. Это открывает перед Россией с ее географией и цивилизационным богатством большие перспективы» [6, с. 5]. Продолжая данный тезис, добавлю, что этот проект Россия рассматривает как основу становления своего величия. По этому поводу известный российский эксперт В. Кременюк отмечает: «И докоммунистическая, и коммунистическая, и современная элиты отдадут вопросу «величия» России приоритетное значение.

Фундаментальная позиция элиты со времен монаха Филофея, который сформулировал концепцию «Москва – третий Рим», заключается в том, что Россия должна быть «великой» [7, с. 22]. Выступление В. Путина перед Федеральным собранием РФ 12 декабря 2012 г. в который раз это подтверждает.

Идеологи этой теории понимают, что ее необходимо одеть в современные одежды, так сказать, придать ей новое лицо. Как сказал В. Путин, современное евразийство – это тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе [8]. Российские неоевразийцы считают, что «пространство евразийского глобального региона не укладывается в исторические рамки советского прошлого и под влиянием транснациональных процессов приобретает новые очертания – неоевразийского пространства. Интеграция выступает в нем уже не внутренним механизмом взаимодействия бывших советских республик, а инструментом конструирования качественно нового пространства, в котором, с одной стороны – соединяются и разъединяются постсоветские государства, а с другой, появляются новые участники глобальной неоевразийской регионализации (новые государства, бизнес и гражданское общество)» [9, с. 19]. Интересно, где авторы видят новых участников глобальной неоевразийской регионализации, за исключением трех известных государств? Ведутся несерьезные разговоры о формате «Россия + Средняя Азия + Китай», в этом контексте упоминается Индия и т. д. Более того, современные российские евразийцы имеют в виду, что «Россия-Евразия не может ограничиваться лишь ответом на геополитические «вызовы» современности, она должна активно проявить свою позицию в мировой политике и инициировать свои евразийские «вызовы» мировому порядку атлантического толка» [10, с. 35]. Что это за вызовы и на чем они могут основываться? Неоевразийцы усматривают «роль России – Евразии в том, чтобы принять активное участие в формировании альтернативного *(имеется в виду – либерального. – О. В.)* проекта с ориентацией на сохранение и накопление духовных и материальных благ цивилизации, которая формировалась веками. Необходимость такого «вызова» со стороны России обусловлена не только ее мировым призванием и потребностью самосохранения, поскольку в противоположном случае она не сможет отстоять свой цивилизационный и геополитический ареал» [11, с. 78]. Однако вызовы формируют успешные, экономически сильные страны. А ЕврАзЭС, даже в случае присоединения к нему Украины, а также Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении, будет занимать 4,1 % мирового ВВП и 4 % мирового экспорта (по ПКС), 3,8 % населения, к тому же ВВП (рассчитанный по ПКС) на душу населения по странам, которые могут образовать Союз, на сегодня в среднем составляет 12,25 тыс. дол. США: Украина – 7,2 тыс. дол., Россия – 16,7, Беларусь – 14,9, Казахстан – 13,0, Туркмения – 7,5, Узбекистан – 3,3, Киргизия – 2,4, Таджикистан – 2,0 тыс. дол. (средний по миру – 11,3 тыс.). Отметим, что Узбекистан – ключевая страна, без которой говорить о региональном сотрудничестве в Средней Азии невозможно и которая вместе с Туркменией не желает идти в ЕврАзЭС.

Как уже отмечалось, проблема создания ЕврАзЭС слишком, и к тому же некорректно, политизирована. Идеологи ЕврАзЭС, например, считают правильной, естественной, безрисковой евразийскую интеграцию. Так например, в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме «Евразийская экономическая интеграция – окно в новую глобальную экономику» (2012) Член Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Т. Валова заявила: «Сегодня много говорят о кризисе, но мы можем говорить лишь о кризисе ложной глобализации и рисках ложной интеграции. Когда интеграция происходит естественно, она не несет рисков» [12].

Безусловно, контекст этого тезиса известен: либеральная модель интеграции – ложная и требует изменений, а новая модель, евразийская, – правильная, и, более того, она не несет рисков. Отмечу, что без риска экономических процессов в природе не существует. Понятно, что это идеологическая ссылка в отношении «естественного» процесса интеграции Беларуси, Казахстана и России, однако таким его трудно назвать – потому что это решение национальных лидеров. Если говорить об Украине, то со стороны России идет политика «принуждения к естественной интеграции». Как удачно отметил О. Шаров, *«присоединение к Евразийскому Союзу является более важным условием, нежели соответствие по сути и духу абсолютному большинству ценностей и стандартов»*. Только за такую демонстрацию главные спонсоры ЕврАзЭС готовы предоставлять торговые преференции и осуществлять стратегические инвестиции» [13, с. 265].

Относительно концепции создания и развития ЕврАзЭС даже идеологи евразийской интеграции отмечают, что «отсутствие универсальной интеграционной парадигмы, которая позволяла бы концептуализировать и спрогнозировать последовательность и закономерность интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, создает определенные трудности в теоретическом анализе конкретных траекторий интеграционных изменений, как на большом пространстве Евразии, так и на его больших территориях (в частности, на постсоветском пространстве)» [14, 27].

На это указывает также М. Гальвановский: «Многогранность взаимосвязей и взаимоотношений стран, которые входят в международные интеграционные группировки, требует понимания всей совокупности таких связей и достаточно четко выстроенной системы, которая позволяет определить правильные приоритеты центробежных стимулов для стран сотрудничества. Это должно способствовать решению как задач развития национальных хозяйств стран, принимающих участие в интеграционных процессах, так и задач, связанных с формированием совместного экономического и политического пространства» [15, с. 44].

Концепция будущего Союза должна, прежде всего, основываться на политическом консенсусе. Если говорить о России, Казахстане, Беларуси, а

также Киргизии и Таджикистане, возможно, Узбекистане и Туркмении – то эти страны пока что авторитарны, и можно говорить об их ориентации на модель «управляемой демократии», в рамках которой может просматриваться будущее политическое устройство Союза. России было бы выгодно сохранить авторитарные режимы в этих странах как залог преданности и стабильности будущего Союза. Однако здесь существуют большие политические риски. Москва небезосновательно побаивается, как неоднократно заявлял секретарь Совета Безопасности РФ М. Патрушев, так называемых «оранжевых революций» в Киргизии, Таджикистане, в Украине и Беларуси.

Что касается вступления в ЕврАзЭС, то государствами должны быть выполнены следующие условия: единый тариф и технические регламенты, гармонизация трудового и миграционного законодательства, единая банковская система, единая валюта, укрепление внешних границ. Обращаю внимание на то, что основатели ЕврАзЭС не разработали комплексную систему политических, экономических, социальных и правовых критериев, по которым та или иная страна может вступить в него. Приниматься в него будут все желающие, которые разделяют и будут разделять идеологическую и политическую доктрину стран-учредительниц. В таком случае можно говорить, что в основе интеграционного механизма будущего Союза находится нечто похожее на принцип «открытого регионализма». Однако в результате это будет образование, далекое от того, что хочет Россия. Речь идет о политическом контексте интеграции, о политической целесообразности создания ЕврАзЭС.

Что касается приоритетов потенциальных участников ЕврАзЭС, то они прозрачны: Россия видит себя политическим и экономическим лидером (не исключено, что и гегемоном) на евразийском пространстве, с чем, как выше упоминалось, не согласен Казахстан; другие страны в основном будут ждать экономических преференций от России.

Россия является и будет несомненным лидером любого интеграционного образования на территории Евразии. А поэтому важнейший вопрос управления ЕврАзЭС – распределение голосов при принятии решений – будет всегда существенно в ее пользу, что подталкивает Россию к гегемонии. Например, если их распределить по экономическому весу участников (удельный вес ВВП страны в ВВП Союза), то распределение может быть приблизительно таким: Россия – 77 %, Украина – 11, Казахстан – 7, Беларусь – 5 %. Он может быть и другим, но не принципиально. На сегодня в Таможенном союзе распределение голосов следующее: Россия – 57; Казахстан и Беларусь – по 21,5 голосов. Добавлю, что аппарат Евразийской экономической комиссии расположен в Москве, ее председателем является представитель России, на 84 % Комиссия формируется из числа российских чиновников, по 8 % приходится на Казахстан и Беларусь; финансирование осуществляется по схеме: Россия – 57 %, Казахстан и Беларусь – по 21,5 %. Как бы ни считали, Россия будет доминировать, и это справедливо.

А поэтому, в любом случае, Россия будет иметь значительное преимущество в принятии решений, которые потом должны принимать парламенты и правительства стран. Отмечу, что при таком раскладе голосов в Союзе особое значение приобретает доверие между государствами. Однако на сегодня оно слишком низкое, особенно к России. Гегемония, в отличие от лидерства, всегда вызывает сопротивление и провоцирует риски к распаду Союза.

Некоторые руководители Евразийской экономической комиссии считают, «что сложный процесс принятия глобальных экономических решений может быть упрощен, если страны объединяются в региональные группы..., что разработка глобальных экономических правил приведет к тому, что на региональном уровне будет приниматься больше решений, чем на национальном» [16]. Однако это ложное понимание проблемы. Процесс принятия решений на уровне Союза не упрощается, а, наоборот, усложняется. Известно, что с увеличением сложности объекта управления, сложность управляющей системы должна адекватно возрастать (принцип Эшби). К тому же, на национальном уровне участники Союза не принимают самостоятельно глобальных экономических и политических решений.

Нестабильные социально-экономические системы, которыми являются потенциальные члены ЕврАзЭС, при объединении могут создать стабильную суперсистему только в одном случае – жестком наднациональном управлении, предусматривающем применение принуждения для сохранения системы как целостного, устойчивого социально-экономического образования. Однако главное заключается в том, что страны, имеющие неэффективные институциональные системы, не могут создать эффективные сверхгосударственные институты, потому что у них нет исторического опыта и соответствующей культуры, а перенести опыт других стран, скажем, стран ЕС, не удастся.

А какую же новую модель сверхгосударственного управления можно разработать, чтобы она стала «...важной частью новой мировой системы глобального управления» [17, с. 23]? Например, О. Пар заявил, что в рамках евразийского пространства может возникнуть какая-то новая модель государственного капитализма, которая сможет более успешно способствовать выходу участников этого пространства из кризиса, нежели традиционная европейская либеральная модель [18]. Однако именно государство, из-за чрезмерных затрат и неспособности сбалансировать бюджеты разных уровней, является одним из ведущих провокаторов сегодняшнего кризиса в Греции, Испании и других странах. Тогда возникает вопрос: на чем будет основана «новизна» модели?

Пылкий сторонник вступления Украины в Таможенный союз, ЕЭП и ЕврАзЭС В. Мунтиян пишет в этом контексте: «Вместе с тем, слепое копирование Запада в построении современной экономики на постсоветском пространстве вряд ли эффективно. Это не наш путь. Наш путь – эволюци-

онное развитие, основанное на ноосферных принципах (сфера разума), путь превращения сознания через замену потребительской модели на гармонизацию отношений человека и природы, развитие гармонизации и экологизации экономики» [19, с. 50–51]. Однако, если говорить серьезно, то Д. Норт резонно отмечает: «Созданные в западном мире институты, такие как права собственности и система правосудия, не обязательно тупо копировать... Главное – создание системы стимулов, а не рабское подражание западным институтам. Например, китайцы начали с системы семейной ответственности, создали структуру стимулов, позволившую осуществить экономическое развитие, не опираясь ни на какие стандартные рецепты Запада» [20, с. 228–229].

А на что *оригинальное* собираются опираться Россия, Беларусь, Казахстан и Украина, в случае ее присоединения, при разработке экономической и институциональной модели ЕврАзЭС? Что касается евразийской платформы государственного капитализма, то это примат государства во главе с лидером в политической и экономической жизни страны с вариантом ограниченных демократических свобод населения и управляемым гражданским обществом. В евразийской парадигме жизнедеятельность граждан (подданных) должна быть нацелена на рост могущества государства, которое культивировалось и продолжает культивироваться в России в течение столетий. Не думаю, что эта архаическая институциональная модель может дать преимущества в экономическом и общественном развитии стран ЕврАзЭС. Что касается азиатских моделей государственного капитализма (Сингапур, Китай и другие), то они тесно связаны с цивилизационной спецификой этих стран. Современный российский вариант государственного капитализма, как показал А. Радыгин и другие исследователи, неэффективен [21]. Однако, учитывая специфику стран ЕврАзЭС, именно он будет базовой моделью Союза в отношении других моделей интеграции – неолиберальной, синергетической, и они принципиально не могут быть реализованными на территории будущего Союза [22].

Н. Васильева и М. Лагутина, размышляя о будущем Евразийского союза, удачно отмечают, что «в современных условиях крайне неэффективно обращаться при формировании евразийской интеграции лишь в государственные органы, не учитывая активно развивающиеся формы гражданского общества и бизнес-структуры. Именно негосударственные актеры могут создать (и уже создают) ту крепкую интеграционную среду региональной евразийской взаимозависимости, которая, с одной стороны, формируется за счет неразрывных переплетений интересов (экономических, культурных, этнических), которые уходят в глубину исторического соседства, а с другой – определяются глобализационными особенностями современного общественного развития (информационная транспарентность, человеческая мобильность, рыночные факторы)» [23, с. 23].

По этому поводу возникает вопрос: где в евразийских странах авторы видят развивающиеся активные формы гражданского общества и бизнеса? Я не буду, в данном случае, определять, анализировать и прогнозировать развитие этого процесса в названных странах, однако то, что в этой сфере существуют большие проблемы, – факт известный.

Недостаток теоретических поисков авторов заключается в том, что их ссылки не учитывают социально-экономические и культурологические особенности стран – потенциальных участников интеграционного процесса. Для того чтобы построить эффективную сверхгосударственную систему управления, необходимо, по крайней мере, чтобы она соответствовала формальным и неформальным институтам государств-партнеров, потому что в противном случае Союз будет недолгим. Прежде всего, это касается института частной собственности и системы его защиты, места государства в экономике, состояния и особенностей эволюции сферы индивидуальной свободы как необходимого условия развития предпринимательства, эффективности государственного управления, судебной, правоохранительной систем и т. д.

Необходимо четко понимать, что Союз – это образование, в котором формальные институты должны быть, по крайней мере, подобными. Поэтому, как правило, на союзном уровне в консенсусном режиме разрабатываются определенные модели формальных институтов, которые потом имплементируются в деятельность стран-партнеров. Однако необходимо исходить из того, что институты – это разработанные людьми формальные и неформальные ограничения, а также факторы принуждения, которые структурируют их взаимодействие, и если законы могут быть изменены в любое время, то неформальные институты меняются очень медленно. Поэтому, если имплементировать формальные институты в общество, имеющее другие неформальные нормы и ценности, то это может причинить ему существенный вред. В этом контексте я приведу тезис Д. Норта: «Структура артефактов, которая находится в нашем распоряжении, – институты, представления, орудия, средства, внешние системы сохранения символов – унаследованы нами из прошлого. В широком смысле она вообще представляет собой наше культурное наследие, поэтому мы очень рискуем, когда игнорируем ее при принятии решений, рискуем провалом своих попыток повысить экономическую эффективность. До тех пор, пока это культурное наследие «поддается» модификации, оно остается малоизученным. Так или иначе, оно при любых условиях резко ограничивает наши возможности в осуществлении изменений» [24, с. 224].

Что касается возможных экономических последствий создания ЕврАзЭС при участии России, Беларуси, Казахстана и Украины, то здесь фактически имеется одна солидная научная разработка, которая осуществлена серьезными академическими учреждениями России и Украины, под названием «Экспертная оценка возможных макроэкономических эффектов

экономического сотрудничества Украины со странами единого экономического пространства» [25]. Отмечу, что работа заслуживает положительной оценки, по крайней мере, не только потому, что она является одним из взглядов на будущее, но и потому, что она является, по сути, единственной конкретной разработкой этой проблемы, основанной на определенной методологии – на базе комплекса межотраслевых макроэкономических моделей Института народнохозяйственного прогнозирования АН России (RIM, Russian Interindustry Model) России, Казахстана и Украины.

Рассматривается несколько вариантов развития экономики России, Беларуси, Казахстана и Украины в контексте возможных интеграционных процессов на территории бывшего СССР до 2030 года, которые, возможно, с учетом горизонта прогноза, необходимо принять как прогноз экономических эффектов для стран, интегрирующихся в экономический союз – ЕврАзЭС. Оптимальным авторы признают сценарий вступления Украины в ЕЭП и совместимого с РФ, Беларусь и Казахстаном технологического сближения между странами. В этом случае «суммарного накопленного эффекта от создания ЕЭП и дальнейшего присоединения к нему Украины за период 2011–2030 гг. можно достичь для четырех стран величиной в 1,1 трлн дол. США (в ценах 2010 г.). В разрезе стран эффект составляет порядка 14 % ВВП для Беларуси, 6 – Украины, 3,5 – Казахстана и 2 % – России. Из расчета на душу населения основными получателями благ от интеграции станут Беларусь, Украина, Казахстан; в абсолютном значении – Россия» [26, с. 26].

Однако возникает вопрос – возможно ли корректное прогнозирование на двадцать лет на основе межотраслевых макроэкономических моделей? Считаю, что некорректно, потому что они не могут учитывать динамические нелинейные изменения в технологиях, в социальной и политической жизни стран. Так, один из разработчиков RIM отмечает, что «главная проблема заключается в том, что из-за замкнутости модели (то есть взаимозависимости практически всех переменных) количество взаимосвязей, работающих в модели, возрастает, по сравнению с обычной статической межотраслевой моделью, в геометрической прогрессии. В этом смысле модель оказывается очень сложной конструкцией с непредсказуемым поведением. Очевидно, что при этом может снижаться устойчивость модели и усложняться сама возможность получения равновесного решения. Возникает вопрос: возможны ли в принципе решения такой модели с учетом существующей в разных частях модели неэргодичности» [27].

Можно согласиться с тем, что в периоде максимум до пяти лет модели RIM могут дать более-менее вероятный прогноз, но в долгосрочном – очень проблематично. Сегодняшний мир переходит из с одного состояния в другое через турбулентные процессы. Энтропия как характеристика неопределенности сегодняшнего глобального мира постоянно непредвиденно изменяется. Трудно, а практически – невозможно, корректно определить, что может ожидать даже, казалось бы, при незначительном экономическом

или политическом событии мировую экономику или экономику отдельной страны. «Эффект бабочки» в глобальном мире срабатывает удивительно динамично. Двадцать лет подтверждают этот тезис (распад СССР, глобальный кризис, «арабская весна», гражданская война в Сирии, кризис ЕС). Ни один долгосрочный прогноз в дискурсе экономико-математического моделирования еще не подтвердился.

Д. Норт отмечает, что способность людей к предвидению ограничена вследствие двух принципиальных факторов: – 1) «сегодня мы не можем знать, не научимся ли мы завтра чему-нибудь такому, что будет определять наши завтрашние поступки, и 2) наш мир неэргодичный» [28, с. 107]. А там, где правит неэргодичность, «случайные отклонения и другие волнения, влияющие на систему, не будут усреднены и отброшены по окончании времени. В таком мире случайные краткосрочные шоки в состоянии продолжительно задействовать траекторию движения системы» [29, с. 192]. Отмечу, что, как правило, шоки порождаются политикой различной природы, непредсказуемыми событиями техногенного и природного характера. Именно в неопределенности шоков и характера их действия и заключается проблема долгосрочного прогнозирования поведения любой экономической системы, особенно такой сложной, как интеграционное группирование стран.

Бесспорно, таможенный союз, экономический союз и другие возможные формы интеграции – позитив для стран, интегрирующихся с конкретной целью, достижение которой побуждает их к интеграции. Однако эффективность интеграционной структуры зависит от «качества» потенциальных союзников. Страны – возможные участники ЕврАзЭС – стартуют с комплексом чрезвычайно серьезных системных проблем (низкая эффективность экономики, низкий уровень жизни, высокий уровень экономической и политической нестабильности, системная коррупция и другие). «Объединение» этих проблем в рамках будущего союза усилит их, такова их синергетика; возникнут дополнительные проблемы, например, необходимость выравнивать дифференциацию стран по уровню социально-экономического развития и уровню жизни населения стран. Более развитым странам необходимо будет «делиться» с менее развитыми, предоставлять последним определенные преференции и т. д. А это на фоне далеко не богатой жизни тех же более развитых стран может вызвать недовольство населения, на котором начнут спекулировать разные политические силы. Примеры: недовольство граждан ФРГ, Франции, Великобритании относительно помощи Греции, референдум за отделение Каталонии от Испании, национальные домогательства Квебека в Канаде, Шотландии в Великобритании.

Добавлю, что к значительным рискам Союза следует отнести необходимость лидерам стран согласовывать и удерживать в необходимых пределах рентные интересы национальной элиты, что очень сложно, учитывая то, что у элиты стран, образующих Союз, появились (или должны появиться) «устойчивые права собственности и верховенства права», то есть пря-

мой диктат лидеров не действует, а поэтому существует риск определенной неуправляемости лидерами клиентских отношений с национальной элитой, делающей горизонтальные межнациональные отношения элиты неустойчивыми и, как результат, неустойчивым интеграционное образование в целом.

На мой взгляд, Россия от интеграции будет иметь проблемы, которые перекрывают возможную экономическую прибыль.

Во-первых, на фоне значительных внутренних экономических и социальных проблем, требующих первоочередного решения, необходимо будет отвлекать средства на преференции для менее развитых стран. Скажем, вступление Украины в Союз значительно сократит предоставление кредитов для нее со стороны МВФ, а также европейских финансовых институтов. Россия должна это компенсировать.

Во-вторых, необходимо будет подтягивать технологическое развитие всех стран, по крайней мере, до своего уровня. И это учитывая, что в России в этой сфере есть много собственных нерешенных проблем. Если этого не сделать, то кооперационные промышленно-технологические связи будут неэффективны.

В-третьих, необходимо будет открыть рынки для продукции, которая уступает по качеству, скажем, европейской.

В-четвертых, необходимо будет снизить цену на газ и другие энергоресурсы до уровня собственных внутренних, а с целью стимулирования развития некоторых отраслей в других странах установить преференциальные цены (например, для химической отрасли Украины).

В-пятых, необходимо будет менять оборонную доктрину и реформировать не только собственную армию, но вооруженные силы союзников.

В-шестых, будет требовать значительных средств определенная унификация и удержание в необходимых пределах политического климата на территории Союза.

И, наконец, Россия, как экономический и политический лидер, а может, и гегемон Союза, будет постоянно подвергаться давлению со стороны союзников по решению их проблем.

Необходимо отметить, что в проекте ЕврАзЭС заложены объективные противоречия между странами-основательницами, которые, в конечном итоге, приведут, в случае реализации проекта, к его дезинтеграции, даже без присоединения Украины. Кстати, модели дезинтеграции детально рассмотрены О. Либманом, Б. Хейфецем [30]. Вот один из вариантов, который, на мой взгляд, сопровождает создание ЕврАзЭС. Если интеграционное группирование формируется под давлением страны-гегемона, то возникает асимметрия властного потенциала, который может дополняться, как в нашем случае, имитацией функционирования стандартной интеграционной

структуры по идеологическим предостережениям. «В этом случае расписание интеграционной структуры можно считать неминуемым вследствие утраты гегемоном лидерства в структуре: имитационная добровольность вдруг получает конкретное содержание и используется государством для выхода из интеграционного проекта. Особенно часто такая логика наблюдается в недемократических политических режимах под действием демократизации, которая ведет к сокращению способности гегемона контролировать интеграционное пространство» [31, с. 7].

Отмечу, что, по сути, все варианты дезинтеграции, которые рассматривают О. Либман и Б. Хейфец, имеют высокую вероятность для ЕврАзЭС. Отмечу, что дезинтеграция Союза может спровоцировать дезинтеграцию России, или, по крайней мере, усилить сепаратистские настроения ее национальных анклавов.

Возникает риторический вопрос: действительно ли России нужен Союз с экономически слабыми и политически нестабильными странами? На мой взгляд, ЕврАзЭС во главе с Россией – высокочрезвычайно затратный политический проект, цель которого – стать важным субъектом мировой политики, но без весомой экономики достичь этого невозможно. России и ее союзникам необходимо выяснить, что с такой экономикой у них нет шансов быть равными с Западом или Китаем.

Для того чтобы стать локомотивом Союза, России необходимо приняться за собственное обустройство – территория огромная, богатая природными ресурсами, а страна бедная. В качестве предостережения приведу слова Великого россиянина О. Солженицина: *«Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель. Держать великую Империю – значит вымертвлять свой народ»* [32, с. 8]. А поэтому, на мой взгляд, Россия должна развивать, прежде всего, эффективные многосторонние и двусторонние экономические связи, она должна «дозреть» до уровня цивилизованного интегратора, а не продвигать имперские проекты, не имеющие перспектив.

Выводы

1. Евразийская идеологическая парадигма не может служить платформой для эффективной экономической и политической интеграции.

2. Институциональная структура и содержание политической и экономической власти стран, выступающих учредителями ЕврАзЭС, не может быть базой для инновационного экономического, социального и политического развития возможных его членов.

3. Совокупный экономический, научно-технический и социальный потенциал стран, которые могут интегрироваться в союз, не гарантирует им весомого места в мировой экономике.

4. Дифференциация социально-экономического развития потенциальных членов союза вызовет значительные риски относительно его устойчивости, а поэтому от России, как лидера интеграции, необходимы будут весомые финансовые и ресурсные затраты.

5. Главный риск для Украины, в случае присоединения к ЕврАзЭС, состоит в том, что она теряет государственность, которая не стоит вероятных тактических и призрачных в перспективе экономических достижений.

6. Что касается перспектив дальнейших исследований проблем евразийской интеграции в контексте национальных интересов, то, на мой взгляд, внимание специалистов необходимо сконцентрировать на более глубоком исследовании экономических и социальных аспектов развития России, ее глобальных и интеграционных намерений и посягательств в контексте глобальных мировых экономических и политических трансформаций.

Литература

1. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // <http://izvestia.ru/news/502761>.
2. Трубецкой С. Н. К проблеме русского самопознания. Наследие Чингисхана. – М., 2007. – С. 15.
3. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – СПб.: АСТ, 2008. – С. 52.
4. Сачко Г. Евразия в мировой политике: ретроспективный и перспективный дискурсы // Мировая политика: взгляд из будущего. Материалы 5-го конвента Российской ассоциации международных исследований. – М.: МГИМО, 2009. – С. 34.
5. Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. – М.: 1997. – С. 404.
6. Брутенц. К. Великая геополитическая революция // МЭ и МО. – 2012. – № 10. – С. 5.
7. Кременюк В. Шансы и ресурсы российской державности // Международные процессы. – 2012. – Т. 10, № 1 (28). – С. 22.
8. Путин В. Там же.

9. Васильева Н., Лагутина М. Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3 (16). – С. 19.
10. Васильева, Лагутина. Там же. – С. 35.
11. Панарин А. С. На рубеже тысячелетий: Россия в поисках цивилизационного и геополитического равновесия // Цивилизация и культуры. Научный альманах. Вып. 3. – М.: 1996. – С. 78.
12. Сайт Євразійської економічної комісії // www.tsouz.ru/eeek/newsEEK/Pages/22-06-2012-2.aspx.
13. Шаров О. Трилема стратегічного вибору України в умовах економічної глобалізації // Журнал Європейської Економіки. – 2012. – Том 11 (3). – С. 265.
14. Васильева Н. Лагутина М. Там же. – С. 27.
15. Гальвановский М. И. Методологические подходы к обеспечению конкурентоспособности международных интеграционных группировок в условиях глобализации // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 1(14). – С. 44.
16. Сайт Євразійської економічної комісії // www.tsouz.ru/eeek/newsEEK/Pages/22-06-2012-2.aspx.
17. Васильева Н., Лагутина М. Там же. – С. 23.
18. Сайт Євразійської економічної комісії // www.tsouz.ru/eeek/newsEEK/Pages/22-06-2012-2.aspx.
19. Мунтиян В. Евразийский экономический союз – инновационная парадигма развития СНГ // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3(16). – С. 50–51.
20. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: ГУВШЭ, 2010. – С. 228–229.
21. Радыгин А. Государственный капитализм и финансовый кризис: факторы взаимодействия и перспективы // Экономическая политика. – 2008. – № 6. – С. 88–105; Радыгин А. Стабильность или стагнация? Долгосрочные институциональные проблемы развития российской экономики // Экономическая политика. – 2007. – № 1. – С. 23–47.
22. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. – М.: Наука, 2005.
23. Васильева Н., Лагутина М. Знач. праця. – С. 23.
24. Норт Д. Там же. – С. 224.
25. Ивантер В. В., Геец В. М. и др. Экспертная оценка возможных макроэкономических эффектов экономического сотрудничества Украины со странами Единого экономического пространства // Економіка і прогнозування. – 2011. – № 4. – С. 9–26.

-
26. Ивантер, Геец. Там же. – С. 26.
 27. Узяков М. Проблемы построения межотраслевой модели равновесия российской экономики <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q>.
 28. Норт. Там же. – С. 107.
 29. Дэвид П. Доклад «Path Dependence and Historical Social Science: an Introductory Lecture», представленный на научном симпозиуме «20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития», ГУ ВШЭ, Москва, 13 мая 2005 г. – С. 192.
 30. Либман А. М, Хейфиц Б. А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. – 2011. – № 2 (11). – С. 4–18.
 31. Либман, Хейфиц. Там же. – С. 7.
 32. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. – Л.: Сов. писатель, 1990. – С. 8.

Статья поступила в редакцию 28 января 2013 г.